

Не такая

Это рвануло похлеще атомной бомбы.

– Это она написала? – сдвинув на нос очки, спросил мужчина.

– Она...

– Сама?

– Сама...

– А когда?

– Не знаю... Не помню... Зимой, кажется. Или нет? Позже немного.

На 8 Марта хотела этот ужас в садике прочитать.

– Ужас?

– Ну да. А что такого? Ни рифмы, ни смысла особого. Натаскала чужих строчек, ну, что слышала. Обычный детский лепет...

– Детский лепет! Да вы хоть понимаете, что ваш ребенок предрек, предвидел чернобыльскую катастрофу!

Кто-то ходит, шаг чеканя,
По железной крыше неба,
Он-то видит, он-то знает,
Как натужно и свирепо
Кто-то черный под землю
Дышит в каменной купели.
Он проснется, разогнется
В юном месяце апреле.
Как дохнет огнем смертельным,
Отравив леса и реки.
В городах и богадельнях
Будут плакать человеки...

– Ну уж вы скажете! Ужас какой-то!

– Ужас? Нет, ужас не в том, что она написала, ужас в том, что вы не замечаете, в упор не видите дарования своего ребенка!

– Т-так уж и дарования! – всплыла мама. – Нам вон чуть ли не синдром Дауна ставили. Ребенок до двух лет не разговаривал почти. Общаться ни с кем не хотел. Она в садике ни с кем не дружит! Все девочки в куклы играют, в куличики, а она бродит одна. Угрюмая. Общается только с соседским мальчишкой на год старше и с его бабушкой.

– Ребенок? Вы сказали ребенок? О собственной дочери? Как будто она вам безразлична.

Гений

– То есть как на пару месяцев?! – вздыхает мама. – Ей же в сентябре в школу... Психические расстройства и заболевание центральной нервной системы... Неужели все так плохо? Прямо как крест ставите... У меня нормальная дочь, а все эти истерики... У нас среди родственников психов не было... Ну, может, я плохо ее воспитываю, может, лупить ее надо, – мама растерянно теребила молнию на сумке. Открывала туда-сюда, вжик-вжик. Я, притихшая, опустив голову, сидела рядом. Решалась моя судьба. – Не надо драматизировать, мамаша. Во-первых, в школу ей рано, она совершенно не адаптирована к обществу. Ее там заклюют, знаете, какие дети сейчас пошли. Год у вас в запасе есть... Я и как врач решительно против шестилеток. А во-вторых, о каком кресте вы говорите? Конечно, ребенок не вполне психически здоров, но в ее возрасте все поправимо. Будет сложнее, когда ей исполнится десять, шестнадцать, двадцать. Сейчас она швыряет игрушки и бьется головой, а тогда и убить кого-нибудь сможет. Или на себя руки наложить...

«О ком идет речь? Неужели обо мне? – думаю я. – И кто этот дядя? Наверное, врач. Раз в белом халате, с большими мягкими руками, значит врач. И как это – наложить на себя руки? Неужели так страшно? – я складываю руки крестом и прижимаю к груди. Похоже на покойника. Для большего сходства я закрываю глаза и вытягиваю лицо книзу, рот мой изгибается в виде радуги. Точно, наложить на себя руки – это стать покойником. Мамочки! То есть доктор говорит, что если мама его не послушает, то я скоро умру...»

– И потом, там свежий воздух, сосны, река рядом. Там режим и сбалансированное питание, процедуры, гимнастика. Уж поверьте мне, девочка там расцветет. Музыкальные вечера, концерты... Она у вас поэтесса? Вот значит, стихи читать будет. Санаторий пойдет ей на пользу.

– И все-таки, доктор, «психические заболевания»... Уж звучит как-то некрасиво, – опять вздыхает мама. – Неудобно, что люди скажут.

– Вот, они опять думают, что люди скажут. А «заболевания опорно-двигательного аппарата» – звучит не так страшно. Или «сердечно-сосудистой системы» – это что, почетно? – доктор слегка наклонился, вытянул жилистую шею. Я видела, как в толстых синих венах на его шее толчками пульсировала кровь. – Получается, что астма, врожденный порок сердца или лейкопения – это трагедия. А если у ребенка не совсем в порядке с нервами, так уже позор... Странно получается, – доктор чуть понизил голос и еще ближе наклонился к маме. – Между прочим, в наш санаторий люди из горкома своих детей отправляют, начальники большие с предприятий. Им что-то не зазорно своих чад в «психи» записывать.

Потом доктор что-то долго писал в журнале, шелестел бумагами, мама вздыхала и рылась в сумке. Потом доктор подозвал меня к себе,

увел за ширмочку, велел садиться на кушетку. Затем надел мне на голову шлем, плетенный из ремешков, весь в блестящих кружочках. От каждого кружочка тянулся проводок и шел к большому аппарату с разноцветными кнопками и циферблатами. Аппарат тикал и мерно гудел, считывая мои тайные мысли.

– У девочки внутричерепное повышено, – говорит доктор и тычет похожим на сардельку пальцем в длинную бумажную ленту. Все какие-то зигзаги да черточки – это так выглядят мои мысли? – Это характерно для гениев или... – доктор поцокал языком, – извините, идиотов.

Мама всплескивает руками.

– Ну, скажем, на идиотку ваша дочь не похожа, она вполне хорошо развита...

– Даже слишком, – вздыхает мама.

– Ну, гений не гений, а что-то есть... Таким детям очень трудно адаптироваться в обществе, они, как правило, не поняты сверстниками.

Я стараюсь не слушать доктора, сижу на высоком крутящемся кресле, болтаю ногами, подпираю щеку языком изнутри.

Вечером мама запихивала в большую клетчатую сумку мои вещи и время от времени смахивала с лица слезинки.

Дурная кровь

Я выступаю следом за акробаткой. Сегодня я читаю стихи собственного сочинения. У меня уже много разных стихов – про щенка, про осенний ветер, который похож на строгого дворника в клеенчатом фартуке, он ходит по пустынному вокзалу и сметает желтую листву с платформы. Про ночные фиалки и про веселого инопланетянина, у которого девять щупалец и еще он подружился с девочкой. Сегодня я буду читать стихотворение про доброе чудовище, которое живет высоко в горах в озере со сладкой водой и очень любит детей. Только не есть, конечно. Оно их на спине катает и поет песни: «Оно и сказки знает, и песенки поет, по озеру катает детишек круглый год».

Ах, какой талантливый ребенок, восхищаются воспитатели, но тут же сокрушаются: и такой истеричный, неуправляемый, все дети направо – она налево, все спать – она играть. Она думает, что она – единственная и неповторимая, а у нас таких тридцать гавриков. Воспитатели говорят, что ко мне нужен особый подход.

Еще я буду читать стихотворение про щенка, оно совсем детское, я его лет в пять сочинила. Про то, как у девочки щенок заболел, и как оказалось, что лечить его надо конфетами. Но сегодня я очень хочу прочитать другое стихотворение. Я вам расскажу, как я его сочинила. У нас во вторую смену нянечка работает – Марина Аркадьевна. Она очень красивая, как Джоконда, я сама Джоконду не видела, но говорят, что это картина, а на ней тетенька улыбающаяся. Марина Аркадьевна мечтает стать артисткой. Каждый вечер она в своем закутке читает вслух, все больше стихи и басни. Хорошие стихи, даже лучше, чем у меня, например, про окно, где опять не спят, или вот: «сжала руки под темной вуалью». Только читает она плохо. Смешно у нее получается, нараспев, наразыв. А еще у нас ночным сторожем работает Славик. Он в пединституте на заочном учится. И вот как-то, когда все в палате, кроме меня, уснули, заходит Славик к Марине в комнатку и говорит: «Маришка, у тебя драматический талант!» А я как услышала это, даже дышать перестала, притаилась под одеялом, один глаз

приоткрыла, вот интересно-то, наверное, как в кино для взрослых. Только ничего такого не произошло. Славик достал из сумки книгу, и они начали вслух по ролям читать. Эта была грустная история про бедного короля, которого отравили по приказу коварной королевы, и он стал привидением, про несчастного и немного сумасшедшего принца, про его возлюбленную, которая бросилась в реку, про друзей принца. Читали они целую неделю. После отбоя Славик заходил в палату, и начиналось. Я, затаив дыхание, слушала, как Марина хриплым волнующимся голосом читала. Я не понимала большей части того, о чем говорилось в этой книге, иногда я засыпала, так и не дослушав до конца очередную историю. И тем не менее все услышанное, вернее, подслушанное ночью произвело на меня такое впечатление, что я даже стихотворение сочинила. Вот оно:

Погиб король. В душе не тает лед.
И белой лилией Офелия плывет.
Над фьордом северным – трехкратное «увы!».
Но Розенкранц и Гильденстерн – мертвы.

Я, сочинив стихотворение, несколько дней ходила и мучилась, потому что очень хотела кому-нибудь его рассказать. А кому? Девчонки не поймут, им все про кукол подавай да про цветочки, или про машу-кашу-маму-раму. Воспитатели – те тоже по головке не поглядят, еще спрашивать начнут, откуда я такие слова знаю. Остается только Марина Аркадьевна. Я набралась смелости. На вечерней прогулке, когда дети играют в мяч и лепят куличики, подошла к ней, потянула за юбку.

– Чего тебе? – обернулась она. – Мячика не досталось?

– Не-а, – мотаю головой я, – стихотворение...

– Что? Какое стихотворение? Неужели уже выучила? – Марина Аркадьевна даже руками всплеснула, – ах, какая прелесть!

– Я его сама сочинила, – кокетливо надув губки, отвечаю я. – Только вы можете меня понять.

– А батюшки! – опять всплеснула руками девушка, – ну, давай, малышка, рассказывай. Ты ведь у нас поэтесса, – она взяла меня за руку, подвела к скамейке и велела садиться. Но я-то знаю, что хорошие стихи надо читать непременно стоя.

– Ну хорошо, – согласилась она, присаживаясь на скамейку, – ты будешь артистка, а я зритель.

И я рассказала. Громко, с выражением, даже руку правую вверх подняла, как памятник какой-нибудь. А на слове «увы!» даже головой тряхнула. А Марина раскраснелась почему-то, стала комкать подол юбки, губы поджала.

– Хорошо, очень хорошо, – дрожащими губами произнесла она. – Замечательно.

Потом быстро поднялась со скамейки, стряхнула с юбки сосновые хвоинки и нервной подпрыгивающей походкой поспешила в корпус.

А я так и не поняла, понравилось ли ей стихотворение.

Ну вот, моя очередь выходить. Зрители хлопают. Мимо пробегает потная высокая девочка в зеленом обтягивающем трико, расшитом блестками, – это Юленька, Юляша, Юлечка, девчонка вредная и злая, но воспитатели ее обожают. Юляша занимается в цирковой студии и умеет делать шпагат, колесо, мостик, даже на руках ходить умеет, правда немного, шага три. Я тоже попробовала сделать колесо. Три раза получилось, а на четвертый у меня подкосились руки, и я пребольно ударилась головой. Я заплакала, а Юляша почему-то стала смеяться. И за что ее воспиталки так обожают, ведь она ябеда и подлиза.

– Так, стихи – кто у нас читает стихи? – громко спрашивает и хлопает в ладоши полная дама в белом халате. Смотрит на сгрудившихся в кучку детей в разноцветных костюмах, замечает меня, грубо хватая за запястье, вытаскивает на середину. – Вот она, горе-то мое! Ты не забыла, что тебе выступать? Ты слышишь меня, дурочка? Я же сказала, после Юли быть готовой! А ты где-то шляешься, несносный ребенок. Нет, она и вправду идиотка, хоть и стихи пишет...

Я молчу и не понимаю, за что меня обзывают. Ну не могу же я вслух объяснить воспитателке, этой толстой тетке в белом накрахмаленном, шелестящем как целлофановый пакет халате, с узкой, обведенной ярко-красным щелью вместо рта, с бровями, нарисованными карандашом, почему я не готова. Я же боюсь этой противной Юльки, она же меня на полголовы выше и сильнее. А потом, я, кажется, новое стихотворение сочинять начала, засмотрелась в окно на сад яблоневый, на то, как облетают листья и на голой черной ветке висит одно сморщенное желтое яблоко.

– Так. Всё, давай. Сначала про щенка, потом про чудище, и не перепутай. Чуть концерт не сорвала, о господи! – воспитателка грубо одергивает на мне юбку, дает легкий шлепок и выталкивает на середину спортивного зала, где и идет концерт.

«Сначала про щенка, потом про чудище, сначала про щенка, потом про чудище», – как заклинание бормочу я и медленно-медленно, гусиным шагом направляюсь на середину зала. Народу-то, ух ты! Родители, воспитатели, врачи, повара, вон даже Марина Аркадьевна сидит, и Славик рядом, за руку ее держит. Марина у нас больше не работает. Не работает с того самого дня, как я ей стихотворение рассказала.

Вот, стою на середине, спину прямо, как учили, носки чуть-чуть разведены, правая рука отведена в сторону, потому, что все взрослые поэты так делают. И тут в голове моей мелькает мысль, а что если рассказать стихотворение про короля и Офелию, ведь Марина сказала, что оно хорошее. Ну и пусть ругают, могут даже в угол поставить, могут даже исключить из санатория, а я его все равно расскажу.

– Ну давай же, горе мое, – краем глаза я вижу, как из-за занавески, служившей кулисой, высунулась круглая голова, как в такт словам раскрывается-закрывается узкая, обведенная красным щель, – давай же: «мой щенок сегодня грустный, мой щенок повесил нос...» Давай же... – и рукой машет.

– Мой щенок сегодня грустный, мой щенок повесил нос, не спешит он на прогулку, не виляет черный хвост, – опустив подбородок на грудь, наупленно бормочу я.

И вдруг, распрямляюсь, даже подпрыгиваю, ощущаю внутри натянутые струны, они звенят, колеблются, просят выпустить на волю ЗВУК. И я громко, на весь зал, на весь санаторий, на весь лес кричу. Кричу, надавив кулаками на живот, чтобы выжать из себя звук, выжать без остатка. Это совершенно новые, неведомые, непонятные мне стихи, родившиеся только что, неизвестно откуда, наверное, из этого пропахшего потом и духами воздуха, из злобной ухмылки Юляши, из таинственной и светлой улыбки Марины Аркадьевны, из расшитых блестками девичьих платьев, из приглушенного света настольной лампы, под которой двое влюбленных читают вечную историю о печальном безумном принце и его возлюбленной. Звук родился из шороха облетающих листьев, красных и желтых, из сосновой хвои, которая засыпает все дорожки в санаторном парке, из лунного света, который мощной струей врывается в девчачью спальню, и никакие шторы и жалюзи не помогают. Он также родился от мерцания лесного

костра, который каждую ночь видеть из окна, сначала мы, дети, думали, что это мерцает упавшая с неба звезда, потом – что глаз притаившегося в кустах чудища, страшного одноглазого Вия, про которого нам рассказал Славик, но потом кто-то из родителей объяснил, что это обыкновенный костер, на котором сжигают листья и хвою. Звук родился от пронзительного запаха антоновских яблок, которые приносит мне мама. Она почему-то отдает их воспитательнице, целый кулек, а та после полдника вручает мне только одно яблоко, а остальные прячет высоко в подвесной кухонный шкаф. А Витька мне сказал, что воспиталка у всех яблоки отбирает, и печенье с конфетами тоже, а в тихий час ест. И мы с ним сговорились, что как-нибудь ночью проберемся на кухню, подставим стул, заберемся в шкаф и съедем все яблоки... И вот лопнули натянутые струны, и звук уже не принадлежит мне, вернее, не одной мне, а всем:

Сентябрь. Опять колокола
Вызванивают душу,
Дурная кровь стучит в висках
и просится наружу!
Ночь черную разверзла пасть
Над догоревшим садом,
Я яблоком могу упасть,
Тебя обрызгав ядом!!

– Ненормальный ребенок, – слышу я голос воспиталки в целлофановом халате.

Слышу как сквозь толщу воды. Я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Чуть-чуть, ожидая того, что в глаза мне ударит яркий свет, разлеплю веки. Свет тих и приглушен. Из моей левой руки торчит какая-то трубка и уходит под потолок.

– Дебилка. Чуть концерт не сорвала. У меня же все расписано, понимаете? А она не то стихотворение прочитала... Ночь... Яблоко... Дурная кровь... Ужас! А что обо мне из области подумают? А родители? Вы не знаете?! Что они подумают, раз дети такие стихи читают... Идиотка! Надо матери сказать, что у нее растет дочь – идиотка... Безобразие...

– Извините, Тамара Павловна, но в данный момент это вы рассуждаете как идиотка, – спокойно отвечает ей приятный мужской голос. – Да на таких детей молиться надо! Она поэт, она гений! За границей в таких деньги вкладывают, создают особые условия, чтобы они совершенствовались свой талант. А вот от ваших окриков, от вашего равнодушия дети и становятся идиотами.

– Ну уж не позволю, Марк Валерьевич. Ишь ты, за границей! Я как идиотка рассуждаю? Я? Педагог с тридцатилетним стажем? Да вы еще в анатомичке трупы резали, а я уже преподавала. Я же пятнадцать лет в школе проработала. А потом вот сюда пригласили, заведующей. А девчонка эта – идиотка форменная. Дурная кровь. Дурная кровь...

Журналы женские

Яркие, глянцевого, пахнущие дорогими модными духами и кремом от морщин. Выстроились в ряд на полке, расселись стайкой тропических птиц на прилавке, щебечут, манят. «Я расскажу тебе о том, как соблазнить мужчину», – вкрадчиво шепчет один. «Хочешь узнать о тайной жизни топ-моделей? На самом деле они такие страшненькие.

А ты – лучшая», – перебивает другой. «Ты еще не знакома с методикой фэншуй?» – спрашивает третий.

– Нет, нет, нет, – мотаю я головой. – В другой раз, – я надменно обвожу взором прилавок, критично разглядываю тощенькую модельку на обложке и молча исчезаю.

Единственное, что я удостаивала внимания в подобных журналах – пособия по сексу. И то лишь для того, чтобы похихикать над советами очкастых тетей наивным нимфеточкам. Как можно написать инструкцию по тому, что относится к сфере человеческих отношений?

Моя школьная подруга Лара, в отличие от меня, скупала все «Эль», «Космо», «Мэри Клэр» и даже «Плейбой», тщательно изучала секс-инструкции, наиболее важное записывала в тетрадочку и, смею предположить, ежевечерне тренировалась на огурцах и бананах под ранние песни Мадонны и Сабрины. Она также не пренебрегала советами относительно одежды и макияжа и иногда устраивала в классе самодеятельное дефиле, демонстрируя ошалевшим одноклассникам самопальные прет-а-порте «от Труссарди и Гуччи», за одну ночь сварганенные из папиного плаща и маминой блузки на бабушкином «Зингере». Я же в это время занималась поглощением трудов Ницше и Шпенглера, балдела от Бродского, слушала Арефьеву и Бьорк, затем увлеклась творчеством Варга Викернеса – юного малахольного арийца, еретика, музыканта и философа, и по сей день отбывающего максимальный срок в комфортабельной норвежской тюрьме. Я презирала рукоблудие и прятала свое бурно расцветающее тело в драные джинсы и толстовку с черепом. Я много и неумело курила. Злобно материлась. Пила водку. Тусовалась в мужских компаниях, и юноши, считавшие меня «своим парнем», делились со мной своими тайнами и переживаниями.

– Да засади ты ей поглубже, – с видом знатока советовала я. – А про Юльку забудь, она просто непрошибаемая дура и тебя не ценит. Ладно, давай еще по одной...

Сама я была девственницей. Впрочем, как и Лара.

Я давала Ларочке списывать домашние задания по алгебре и физике. Я была готова решать за нее контрольные по химии, лишь бы хоть иногда лицезреть, как она эротично и чувственно, засовывает банан по самый хвостик себе в горло. Как потом нежно вытаскивает, ласкает его узеньким сильным язычком, плотно сжимает в кольцо пухлыми губками. Я заворожено смотрела на нее, как на шпагоглотательницу, как на порнозвезду, по ошибке забежавшую в школьный туалет, где пахнет девичьим потом и сигаретным дымом, где белый кафель стен исписан губной помадой, а пол за унитазами забросан прокладками и плохо скомканными клетчатыми листочками. Я сидела на грязном подоконнике, широко расставив ноги, и мусолила языком сигаретный фильтр. В моем животе сонно плавала и торкалась тупым носом золотая рыбка.

– А ты сделай операцию, превратись в мужика, а я бы за тебя замуж вышла, – хитро улыбается Ларочка.

Ларочка вышла замуж спустя год после окончания школы. В ночном клубе узкокольную нимфеточку в коротенькой юбочке из кожзама и полупрозрачной блузке, обтягивающей несформированную грудь, приметил залетный крутой дядя, свирепый мачо русско-американского разлива, «владелец заводов, газет, пароходов». Спустя два часа, на заднем сиденье дядино «Лексуса», Ларочка претворила свои обширные теоретические сексуальные знания в жизнь. Спустя два месяца она уже мыла туфельки в Атлантическом океане. Присылала фотокарточки с пальмами и золотыми пляжами, небоскребами и уютными особнячками. Ее муж, лысеющий господин

в пестрых шортах, армяно-еврейско-бог-весть-каких-кровей, полный, заросший от подбородка до пяток густой кудрявой черной шерстью, бело-зубо улыбался, обнимал за талию хрупкую Ларочку в синем сарафанчике.

«Обожая-обожаю, он такой волосатый. Он похож на интеллигентного цивилизованного зверя, особенно, когда наденет белую рубашку, – восторженно пишет Ларочка. – Через неделю летим в Австралию, у Руфика новый проект».

Еще Ларочка жаловалась на то, что никак не может забеременеть. А ей так хочется подарить Руфику сына.

Я, раздавленная ее успехом, выкрасилась в платиновую блондинку, стала носить неприлично короткие юбки, бюстгалтеры на косточках и сапоги-ботфорты на шпильке. Провинциальные мачо в ужасе шарахались от такой красоты, а декан грозилась исключить меня за «недостойное поведение». (Развели, понимаешь, дом моделей!)

Спустя еще два года Ларочка умерла при родах. Цинковый гробик с птичьими косточками доставили в нашу глухую провинцию с побережья Майами. Где теперь пухлые развратные губки, шепчущие милые глупости, где тоненькие кривоватые ножки с наманикюренными пальчиками, где русая головка, наполненная девичьим бредом? Кто будет делиться со мной нехитрыми секретами и развлекать банановым минетом? Все будет гнить в земле, в земле...

Истерика

Я – истеричка. У меня бывают приступы. С раннего детства мама та-скала меня по врачам, спрашивала: «А что это ребенок по полу катается и волосы на себе рвет? А еще бормочет что-то, на стихи похоже». Врачи пожимали плечами, разводили руками, списывали все на побочные эффекты бурного роста и советовали больше бывать на свежем воздухе и меньше смотреть телевизор. Говорят, что слово «истерия» означает в переводе с греческого – «бешенство матки». С возрастом это усилилось.

Стоит меня разозлить, и я сжимаюсь в тугую комок, вернее, во много комков. Тело изгибается дугой, кулаки сжаты, все мышцы напряжены как струны контрабаса. Я начинаю бить себя костяшками пальцев по вискам. Сперва тихо, как бы щекоча нервы наблюдающим, со стороны кажется, что я рисуюсь или притворяюсь. Потом сильнее, сильнее, уже не в силах сдержаться. Боли я не чувствую. О, заломите мне руки, поднимите мне веки, окатите меня холодной водой! Внутри меня разгибается пружина, тело мое мне неподвластно, я с грохотом падаю на пол, ударяюсь головой об угол тумбочки, затихаю. Одна такая истерика стоила мне выбитого зуба и сотрясения мозга.

Лежу в постели – никаких книг, никакого компьютера. Сон. Сон. Сон. Тело мое размякло и ослабло. Я безвольная ватная кукла. От скуки вта-скиваю на кровать ящик от письменного стола, принимаюсь разбирать личные архивы. Листаю тетрадки, исписанные корявым неуверенным почерком, рассматриваю рисунки, вырезки из глянцевого журналов. Ах, Ларочка, Ларочка, где ты теперь?! В земле, в земле... Классе, наверное, в девятом мы с Ларой решили нарисовать портреты мужчин своей мечты. Неумелые наброски, капли искренности и грез. Вот он, твой – густые брови, сросшиеся на переносице, черные кучерявые волосы, орлиный нос, мощный, раздвоенный щетинистый подбородок, взгляд свирепый и одновременно доброжелательный. Коренастое приземистое,

поросшее густым кучерявым волосом тело. И подпись: «главное в мужчине – чувство юмора». И мой рисунок – худенький белокурый юноша с печально затуманенным взглядом. Мальчик-колокольчик. Маленький принц. Стойкий оловянный солдатик. Фарфоровый пастушок. Мне нужен мужчина, который бы защитил меня от самой себя.

К вечеру приходит подруга и приносит в качестве гостинца несколько бананов. Мы, хохоча, читаем Ларину тетрадку с аккуратно наклеенными секс-инструкциями и давимся бананами.

Работа

Как всегда нехстати. Вопреки всем планам и алфавитам.

– Лё-о-онь? А мой заказ еще не проплатили?

Надо работать. Кричу хрипло, барабаню ногтями по столешнице.

– Какой? – не сразу доносится голос из-за пластиковой перегородки.

– Как какой? От банка этого... «Промстройсинтез», что ли... Ну, буклет им надо и календарики. Я их лично месяца три уламывала.

– А-а, – из-за перегородки высовывается длинная стриженная голова в очках. – Так я его Юрке отдал...

– То есть.. Кк..ак?! Юрке? – спотыкаюсь и недоумеваю. – Да я же лично с их менеджером говорила... Да как же так? Да Юрка же не справится... Лень.. ты напутал что-то... там же деньжищ немерено, Юрка заперет все, – лицо мое нагревается и краснеет.

– Понимаешь, – поправляя очки, менторским тоном произносит Леня, – Юрке деньги нужнее. У него семья все-таки. Второго ждут, слышала?! – Леня щербато улыбается, сверкает золотой коронкой.

– Д-д-ды, – челюсть дрожит, я чуть ли не пальцами разжимаю зубы, всовываю сигарету, затягиваюсь. Насытившись никотином, организм взбадривается. – Ты чо, офонарел?! С чего взял, что ему нужнее?! Это я этот заказ нашла, я! Хотя могла бы и не искать! Во урод! Юрику нужнее, – я встаю и начинаю мерить шагами комнату. – Значит, если Юрик посадил себе на хребет неработающую, вечно брюхатую бабу с кучей понтов, так он и герой?! И баба эта героиня? Усыновил чужого ребенка, ах, какой молодец! Помог тридцатилетней женщине с образованием восемь классов, вот чудесно! А я?! У меня, между прочим, кран на кухне течет, телик дохнет, у меня диван проломился, мне за интернет платить нечем... Долгов за квартиру за полгода! Я, между прочим, в отличие от жены Юрика, на помаду и колготки сама себе зарабатываю... Я моря лет восемь не видела... А мне замуж надо... – теплые, подкрашенные черным, слезы поползли по щекам. Зачем?! Зачем я так? У нее ребенок, а мне просто жить надо!

Письмо

Погост лесной и тихий. Не кладбище, а именно – погост. На кладбище – кладут и зарывают-забывают, а на погосте – гостят. Отсыплются перед новым взлетом. Кладбище – это склад мертвых ненужных тел, погост – гостиная, куда приходят живые навещать мертвых. Вот и я пришла к тебе в гости, Ларочка. Как тебе?! Не давят на узкую впалую неразвитую грудь мраморные плиты и тонны песка?! А слепые кольчатые черви не тревожат?

Извини, дорогая, что долго не навещала... Долго сижу молча. Вот, видишь, курить так и не бросила... Представляешь, а я подросла почти

на два сантиметра. В двадцать-то два года! Врач сказал, что это возможное последствие после сотрясения, наверное, какой-нибудь центр в мозгу, отвечающий за рост, разбудила. За полтора месяца на два сантиметра. Ничего, мы это остановить можем, говорит врач. Да вы что, отвечаю, здорово даже, я всегда мечтала высокой быть. Ничего, я еще на подиум выйду! Врач посмотрел на меня, лоб отер, сказал так назидательно: девушка, милая, вам с вашей психикой и здоровьем рожать поскорее надо, мало ли, как процесс пойдет.

– Какой процесс? – удивляюсь я с высоты своего роста.

– А то, что приступы участились, вчера вы вены резали, сегодня голову разбили, завтра задохнуться можете. У вас мозг – как у боксера.

– Это как? – спрашиваю.

– По голове себя часто бьете, вот как! – И снимок в журнале показывает – там мозги в какой-то пленке, а пленка эта как решето.

– А-а-а, это, – вздыхаю я облегченно. – Так я же боли почти не чувствую. Потом тошнехонько, конечно. Но дня два-три отлеживаюсь, голову подушками обложив, и все стихи сочиняю. Хотите, прочту? Вам понравится. Всем нравится. А решето – потому, что в голове ветер...

– Нет, не надо, – мотает головой доктор. – Давайте-ка, попейте таблеточки. Раз в неделю ко мне на беседу. А как встретите хорошего парня, так мигом... И никаких абортот. Другую на вашем месте я бы всячески предостерегал от беременности, а вам настоятельно рекомендую. У вас как раз тот случай, что с появлением заботы о другом у вас и появится инстинкт самосохранения, ответственность... Вам ребенка надо рожать, а не стихи писать. Стихи у нас все пишут...

– Так я же сдохну, доктор! – вскакиваю я. – О чем вы?! У меня же дурная кровь. Дур-на-я кровь! – два смазанных удара в виски, но тут мне заламывают руки, куда-то тащат, тычут в вены. – Вот хорошо, спасибо вам. Спасибо...

Все растворится в вечной мгле,
Ты будешь гнить в земле, в земле...

– шепчу я в полузабытьи.

Так о чем я это, Ларочка? У тебя на могиле – дерево. Лиственница. Это я попросила ее не спиливать. Твой гробик качается в ее корнях как колыбель. Как хрустальный гроб спящей красавицы. Ведь ты и есть спящая красавица. У меня все хорошо. Мой... ну не муж пока, не жених, скажем – просто друг... Он замечательный. Все смеялся, когда я после болезни с постели нормально встала, распрямилась во весь рост, а он и засмеялся – теперь мне каблучки носить придется... Ему совершенно наплевать на то, что я пишу. Абсолютно. Тотально... Твоего видеала по телевизору. Он теперь депутат Государственной думы. Променил Майами на Москву. Вот убогий! Олигарх, блин... А мой мне и говорит, вот не терялась бы тогда, не фыркала по поводу толстого пуза и волосатой груди, была бы теперь госпожой-олигаршей. И ты бы была жива, Ларочка. И простила бы мне все. А я бы все равно с ним развелась, отсудила бы сто миллионов и сделала операцию. И ты бы за меня замуж вышла. ...

...А у меня дома тетрадка твоя сохранилась. И блузка шелковая с меховой аппликацией. И фотографий куча. Вот... Ну, как там тебе в земле, в земле... Интересно, ночью мертвые тоже спят? Пойду я, а то скоро стемнеет. Давай, не скучай в земле, в земле...